

Ирина Яновская

Симфония Света

16+

Ирина Яновская

**Симфония света.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Яновская И.

Симфония света. Сборник рассказов / И. Яновская — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Нас тысячелетиями учили, что мы созданы из праха - «ибо прах ты и в прах возвратишься» (Бытие 3:19). Но современная физика доказывает, что вся известная нам материя создана из света и в световую энергию в конце времен и обратится. С этой точки зрения всё то, что мы привыкли называть материей или материальными аспектами своей жизни - это лишь различные формы существования света, его игра. Вся наша жизнь - это всего лишь световая симфония, то есть игра света на вселенском экране. В этот дебютный сборник вошли рассказы с совершенно разными сюжетами, но это только на первый взгляд. Всех их объединяет одна сквозная тема – проживание людьми кризисных периодов своей жизни. Из всех кризисов есть два выхода - воспринять их как крах своей жизни или взглянуть на них как на возможность что-то в ней изменить, - то есть стать полноправным участником преобразования световой энергии, написать свою партию в симфонии света, традиционно именуемой судьбой.

Содержание

Крылья	5
Судьба играет против нас	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ирина Яновская

Симфония света. Сборник рассказов

Крылья

– Никогда, слышишь, никогда не смей об этом думать! На этой мысли он открыл глаза. Совершенно очевидно, что заснуть больше не получится. Он глянул на часы, 05:05, рано. И мысли его опять побежали неудержимым водоворотом.

А что, собственно, меня так расстраивает? Что мучает? Почему такая необъяснимая тоска? На эти, и массу других вопросов, которые роились в его голове последнее пару лет, никак не находилась нужный ответ.

В голову пришли воспоминания. Вот он мальчишка, гоняет в футбол, вот отдыхает с родителями на море, первая драка, первая влюбленность... все как у всех! Выпускной, школу не любил, учиться тоже, но все-таки аттестат о среднем образовании получил. Дальше, дальше... он прокручивал свою жизнь, как заезженную киноленту, уже не первое утро. Иногда, просыпаясь среди ночи от неприятных снов, вновь погружался в свои воспоминания. По сути, он жил этими воспоминаниями. Тогда была у него цель, он точно видел ее и знал как ее достичь.

Как же хорошо тогда ему жилось! Как хорошо было ни о чем не думать, не размышлять, а просто вставать каждое утро и делать дело, которое приносило ему именно тот результат, о котором он мечтал.

Теперь мысли его заняли воспоминания о Вовке.

Вовка Шмелёв, по кличке Шмель, учился на отлично, да что там учеба, он во всем был первым. Мальчишка, как говорится, с характером, если чего-то не получалось – упорно этого добивался, со временем, конечно, но всегда и всего! Именно у него он научился ставить цели и достигать их.

Они не то, чтобы дружили, скорее приятельствовали. И это давало право немного завидовать ему. Другу завидовать плохо, а приятелю вполне можно.

Вот тогда и был построен план жизни. Сейчас он кажется простеньким, может даже, глупеньким, но тогда... он тянул на целый проект.

Выучиться, получить не просто профессию, которая нравится, а именно ту, на которой можно хорошо заработать. Далее работать, работать, работать, открыть свое дело, купить квартиру, машину, дачу, потом жениться, потом дети... чтобы все, как у всех!

И вот те на! Все ведь так и получилось! И мысли опять понеслись табуном, да так, что от цокота копыт заболели виски.

Почему же это все не греет душу? Где оно счастье то? Когда успел его пропустить?

Цель достигнута, а теперь ни цели, ни мечты, ни желаний даже.

– Нет, ничего не приносит радости, пора с этим со всем заканчивать! Навязчивая мысль, сидела в голове и не хотела выметаться.

У жены зазвонил будильник. Значит сейчас уже половина седьмого.

Она не пошевелилась, музыка закончилась. Но он знал, что через пять минут телефон вновь запиликает простенькую мелодию из какого-то французского фильма, и она встанет. Он знал наперед, по минутам все утреннее расписание своей квартиры. Знал каждый шаг жены и уже взрослых детей, потому что уже много лет все здесь живут по одному и тому же сценарию, или ему кажется, что все? А может это только он?

От этих мыслей его стало подташнивать. Будильник заиграл вновь, и она встала, нет, вскочила с кровати. Она вообще была бойкая, порывистая, резкая, неугомонная трещотка. А

ведь раньше это ему нравилось. Почему же со временем ее плюсы для него превратились в ее недостатки. А, вспомнил, он ее больше не любит. А в нелюбимой женщине все начинает рано или поздно раздражать.

С ее подъемом сейчас вся квартира загудит, как улей. И ему бедному, надо будет подчиниться этому внутреннему семейному порядку.

– Толик, подъем! – гаркнула она ему в ухо. Хорошо, что он не спит, спросонья от такого крика можно и заикаться начать.

Она вышла из спальни, и голос ее покотился по всей квартире, она приветствовала собаку, одновременно открывая шторы и восхищаясь погодой за окном, собака пыталась ей ответить, но она уже вопила дочери, что та, в сотый раз опоздает в институт, дочь вяло отвечала ей, чтоб отстала, но она уже орала сыну, чтоб немедленно шел гулять с собакой, живодер этакий, собака мучается и сейчас прям умрет.

Вообще он иногда думал, что без ее указаний умрет не только собака, но и все члены его семьи, включая попугая. Хотя, это единственный счастливец, которому она не давала никаких указаний, почему-то еще жил.

– Толик, прошу тебя, смени это выражение скорби и печали на своем лице, – приветствовала она меня, когда я нарисовался в дверях кухни.

То есть и выражение лица у меня должно быть соответствующее ее желаниям.

– Извини, Таня, но нет повода мне с утра улыбаться.

– А у тебя никогда нет повода, превратился в брюзгу сорокалетнего, противно даже смотреть, как ты чахнешь. Может тебе опять купить абонемент в фитнес?

Я только ухмыльнулся. На самом деле я перепробовал уже все, чтобы если и не полюбить жизнь заново, то хотя бы почувствовать к ней вкус.

Начал я традиционно, как все, пардон, большинство, мужчин после сорока-завёл любовницу. Не только не спасло, но и не помогло совсем, только все усугубило. Еле вырвался из ее когтистых лап. Вложений в это мероприятия много, отдачи мало.

Затем был фитнес, бассейн, утренняя скандинавская ходьба с палочками, приобретен дорогой велик с облегченной рамой, зачем-то роликовые коньки, домашний тренажер... похоже, я искал себя в спорте, но потерпел фиаско.

Дальше, все та же деятельная жена нашла мне очень хорошего, и очень дорогого психолога, которая как раз специализируется на таких как я, кризисных сорокалетних мужиках. Сначала я сопротивлялся. Рассказывать о самом сокровенном и может даже жевать сопли, с какой-то незнакомой мне теткой, казалось, не по-мужски. Но потом я втянулся. Да так, что мне даже понравилось. Какое-то время, я не ныл, не гундел, не бубнил, сменил выражение лица на более приемлемое. Домочадцы мои вздохнули спокойно, но рано радовались. После того, как я рассказал психологу всю свою жизнь, с детскими травмами, тайными взрослыми желаниями, головными болями, бессонницей, страхами, завистью, про все то, что я люблю, что ненавижу, от чего зависим – говорить стало не о чем. Потому что те вопросы, которые я ей задавал она игнорировала, либо уходила от прямого ответа. А вопросы то были у меня обычные: В чем смысл этой всей канители под названием Жизнь, в чем счастье, и главное, как жить дальше???

Она подводила очень философские платформы, и забывала дать мне конкретный ответ на конкретный вопрос.

Я охладел к ней как-то в один день. Я не понимал больше, зачем отношу ей в кабинет такое количество денег, если мне не становится лучше. Видимо, она увидела во мне какой-то клинический случай, перед которым была бессильна психология, поэтому с облегчением со мной попрощалась и сказала, что была рада нашему сотрудничеству.

Врала, конечно! Я пообещал позванивать и заезжать, если будет совсем труба. На это она как-то нервно хихикнула и закурила прямо в кабинете.

Чем дальше в лес, тем больше дров, – гласит поговорка. Я с удовольствием ей следовал. В ход пошли тренинги. О, это отдельная история. О деньгах, потраченных на эти мероприятия, я умолчу, о времени, которое я потратил на эти безумные сходки безумцев тоже.

«Как заставить себя жить, когда все не так, как хочется» – главная идея всех этих семинаров, вебинаров, тренингов, поездок в места силы, и специальной литературы, которую я читал пачками. Каков результат? Нулевой. Нет, даже минусовой. В этом деле, главное вовремя остановиться, пока окончательно не двинулся умом. И я остановился. Но только на тренингах, но отнюдь не в поисках так скажем, себя!

Помню, как проснулся среди темной осенней ночи, и подумал: «А не заняться ли мне своим духовным развитием?»

Многие ведь в кризисные этапы своей жизни приходят к вере, к Богу.

И я отправился. Тернист и запутан сей путь. А когда в голове такая каша, как у меня, шансов на этом поприще нет. Решил вернуться к этому вопросу позже.

Затем наступила очередь тяжелой артиллерии. Выглядело банально, но по началу работало не хуже дорогого психолога. Я начал пить, чуть по чуть-чуть. До белой горячки не дошло, но до запоев дней на пять докатился.

Здесь, может быть, я и застрял бы, так как вечером все вдруг становилось понятно – в чем смысл жизни, чего хотят женщины, о чем молчат мужчины, как устроен мир и в чем счастье! Но наступало утро и все опять было путано и непонятно. Надо было срочно бежать в магазин.

Это «безобразия» прекратила жена, просто погрузила меня, безвольного, в машину и отвезла в клинику. Лежал я там недолго, всего неделю, но вышел другим человеком, настолько другим, что полгода вообще не о чем не думал. Гулял в парке с собакой и ни о чем ни думал! Лежал на пляже и не о чем не думал! Работал и тоже ни о чем не думал, даже о работе. А что думать то? Зачем? Через полгода все вернулось с удвоенной силой. Впору было выть на луну.

В этом состоянии я сейчас и находился. Размышлял о том, что может быть опять попробовать фитнес, или йогу или медитации или иглоукалывания или гомеопатию, а может уже пора и транквилизаторы принимать. С этими раздумьями я засыпал и просыпался, я ел, я ехал на работу и с работы и все думал и думал об этом.

– Ой, Толь, а ты представляешь, кого я видела вчера в парке?

Резкий голос жены вытянул меня из этих размышлений. От неожиданности я вздрогнул и повернулся к ней. Хотел задать вопрос: «Кого?» Но она уже тараторила дальше.

– Помнишь, Вовку Шмелева, ну отличник у вас в классе был, такой симпатичный паренек.

Жена училась со мной в одной школе, только на пару классов младше.

– Помню, конечно! Мы его еще Шмелем звали.

– Так вот, иду вчера по парку и вижу на лавочке, Шмеля этого вашего.

Я подходить то не стала, все равно он меня не вспомнит. А вот его узнать можно, почти такой же, только худой. И как это у некоторых людей имеется такая потрясающая способность не меняться с годами? А тут и диетами себя моришь, и фитнес-шмитнос, крема дорогущие покупаешь, и все равно стареешь, как не старайся, сказала она очень грустно, посмотрев на себя в зеркало.

Я тоже посмотрел на себя в зеркало, потом на нее посмотрел, как будто раньше я ее не видел, и протянул: «Да...уж...»

И сейчас мы оба стояли в ванной смотря на себя в зеркало, и грустили. Это грусть по ушедшим годам как-то сблизила нас, хоть на полминуты мы стали одним целом. Но грустить долго моя жена не умела, поэтому уже через полминуты нашего единения, она хлопнула себя по второму подбородку пухлой ладошкой и спросила:

– Ты на завтрак что будешь?

– Мне все равно, что дашь, то и съем.

Она пожала плечами и выкатилась на кухню готовить всем завтрак.

Я начал бриться и думать о Вовке. Наверно, он хорошо живет, всего добился, наверняка большего, чем я, живет поди припеваючи... Короче, о том, что Вовка может жить иначе, в голове даже мысли не возникло.

Всю последующую неделю я ставил машину на стоянку и ходил через парк.

Вовка не выходил у меня из головы, и я отчаянно хотел его встретить. Это было подсознательное желание, но оно было, и стало прям навязчивой идеей.

Очень мне хотелось узнать, как он устроился в жизни, как прожил эти двадцать пять лет. Просто, хотелось поговорить со старым приятелем, вспомнить школу, детство... и всякое такое.

Но Вовки на лавочке не наблюдалось. Затем я увеличил маршрут. Теперь каждый вечер я не просто проходил сквозь парк, я обходил его по кругу дважды. И это не было беспечное гулянье, у меня опять была цель-встретить Вовку. От этого мне стали нравиться эти прогулки, я ждал вечера, чтобы вновь идти по парку всматриваясь в прохожих, в людей, сидящих на лавочке, в надежде найти в них знакомые Вовкины черты. Я придумывал, как закричу ему: «Вовка, да ты ли это, старик?»

Улыбнусь, возможно даже обниму, немного задержусь в этом объятии, почувствую себя в прошлом, в детстве! Поэтому мы любим встречать людей из детства, именно они дают нам возможность снова туда вернуться. Я задумался, а как на самом деле? Я Вовку хочу увидеть, или получить возможность этого возвращения?

Но, как бы то ни было, с завидной регулярностью, ходил я по парку, и даже увеличил эти прогулки по времени, стал ходить утром и вечером, получая колоссальное удовольствие от предвкушения встречи.

Так прошел месяц, Вовка все не встречался. Я продолжал ходить. Я перестал всматриваться в людей, ища в их лицах Вовку, я просто бродил по аллеям, дышал воздухом, слушал птиц, сидел на лавочке, любовался закатом и маленькими детьми, понимал жизнь, принимал ее такой, какова она есть, и почти перестал мучать ее и себя этими бесконечными риторическими вопросами. Через месяца три, я уже окончательно забыл о Вовке, забыл, что первопричиной моих прогулок было желание встретить его, попасть в детство, поговорить с ним о жизни, задать ему все эти вопросы. Я точно понимал, что началось мое выздоровление. Я больше не мучался. Нет, счастливее я не стал, но моим страданием пришел конец, а это уже немало.

И вот вечер, я иду по парку, смотрю под ноги, носком ботинка поднимаю опавшие листья, и слышу свое имя...

– Толян, да ты ли это, старик?

Я поворачиваю голову в сторону, и вижу на лавочке Вовку!

Не может быть, он своровал мою фразу приветствия. И от этого я растерялся, потому что другой фразы у меня заготовлено не было. Я молчал, и смотрел на него.

– Толь, я не понял, это ты?

– Я!

– А чего замер, как не живой? Я Вовка Шмелев, мы в одном классе учились, вспоминай, вспоминай, или у тебя уже деменция полным ходом?

И тут меня отпустило. Я вышел из этого немного оцепенения, и бросился на Шмелева. Мы обнялись, и я даже, как и хотел, немного задержался на его плече.

В этой задержке, в этой мгновенной паузе, я успел подумать, что не хочу задавать ему вопросов, что не хочу даже знать, как он прожил эту жизнь, длиною в двадцать пять лет, потому что сейчас это перестало для меня быть важным. А что же важно? Не знаю, может важно, вот так просто стоять обнявшись, посреди парка, и ни о чем не думать.

Объятия наши затянулись, и я нехотя отстранился и посмотрел ему в лицо. Это был тот же Шмель, те же глаза с хитрым прищуром, губы в еле заметной улыбке, волосы немного

поседали, но вид все же продолжали иметь. Жена оказалась права, время не имело над ним власти. Тут я подумал про себя, а как вижусь я ему?

Как будто прочитав мой вопрос Вовка ответил: «Толик, как же я рад тебя видеть, а ты заматерел, волос то подрастерял, вон животик наел...

Вот значит, как видят меня окружающие...

Вовка продолжал свой монолог: «Да, Время бежит неумолимо. Дети наши, уже взрослее тех нас, когда мы дружили с тобой!»

Ах вот, оказывается, как...мы дружили со Шмелем. А я все время думал, что он меня не причислял к разряду своих друзей.

«У меня дочь уже институт закончила, укатила на стажировку на год за границу и пропала. Правильно, у нее своя жизнь понеслась, некогда и позвонить, узнать что да как тут у меня... Да я понимаю, не обижаюсь» – тут же оправдал он равнодушие дочери к своей жизни.

Зачем он мне это рассказывает, я же не спрашиваю его?

«С женой то я давно разошелся, она хорошая у меня была, такая хорошая, что когда мы расстались, почти сразу замуж и вышла, таких женщин ещё поискать, на них всегда спрос большой».

Он глубоко задумался, видимо вспоминая, какая она хорошая.

Я продолжал молчать, и терпеливо ждал, что дальше...

Так не спеша, шаг за шагом он повествовал мне свою жизнь.

Мы то присаживались на скамейку, то вновь шли по дорожкам, которые были накрыты разноцветными листьями, как пестрым узбекским ковром.

Вовка рассказал мне, что закончил университет престижный факультет, получил красный диплом. Очень удачно сложилась и его карьера, и все, все у него было, и совсем даже не «как у всех», а намного лучше. И что, почти все эти годы он был по-настоящему счастлив, и что жизнь его вполне удалась.

А потом, как это бывает в сериалах, раз – и все пошло не так... Вся жизнь начала подчиняться другим законам. Законам болезни. Поставили Шмелеву очень уж неутешительный диагноз. Но и тут он не унывал. Стал бороться с болезнью, как мог. И деньги тратил на лечение, и сам себя вытаскивал из депрессии, и молился самозабвенно ночами, потому что очень не хотелось умирать. И болезнь отступила. Она сдалась, и отправилась искать того, с кем хлопот поменьше, кто не будет так сильно упираться.

Когда Вовка узнал это, он обрадовался, конечно, но эта болезнь уже стала его родственником, и он решил, что должен помочь другим, и он помогал. Открыл фонд, куда перевел все свои средства, при этом фонде организовал психологический центр, люди шли и шли, столько нуждалось в Вовкиной помощи. Кто-то выздоравливал, кто-то все равно умирал... Это жизнь, у каждого своя судьба, но он хотя бы давал им шанс на спасение.

А потом деньги закончились, и фонд закончился. И дела Шмелева тоже пошли ни шатко не валко. Как будто перекрыли ему денежный канал.

Вовка не расстроился, что денег нет, заработает еще, что-нибудь придумает.

Но грянул очередной гром, болезнь вернулась. И хотя он знал про нее все, что с повторным ее возвращением бороться бесполезно, он не стал унывать, а принял смиренно и это. И продолжал помогать другим, уже как мог.

– Ты, знаешь, Толь, и я был счастлив! Это так здорово иметь возможность, а главное желание помогать совершенно незнакомым тебе людям. Вот, думаю, мы и подошли к главному вопросу.

– А сейчас, Вов, как же ты?

– А сейчас, Толь, тоже счастлив! Вот смотри, идем мы с тобой по парку, живем, дышим, смотрим на небо, вокруг нас люди, дети, собаки. Вон, кот на лавочке лежит, греется, в уходящих лучах осеннего солнца, но разве это не счастье?

Я посмотрел на кота... Счастье... удастся ли мне это ощутить, глядя на кота?

Нет, кот чувства счастья не вызвал.

Но вдруг в голове завертелись, закрутились мысли, они понеслось, как на карусели, я не мог их ловить, но от них мне становилось все теплее и теплее на душе.

Вот, все, поймал одну шальную мысль, уцепился и держу, раскручиваю ее. Она ли это? Та, от которой поет душа, и вырастают крылья.

Да! Да! Это она! Она спасет Вовку Шмелева, и еще многих.

– Шмель, ты только «нет» не говори. Я боялся, что он начнет отказываться.

– У меня есть деньги, возьми для своего фонда. Я отдам все, какие есть, мне тоже не жалко.

Но Вовка отказываться не стал. Только остановился, глянул на меня своими смеющимися глазами, и просто так сказал: «Давай, благодарю!»

Он не стал бросаться обнимать меня, он вообще не высказывал в моем направлении никаких эмоций. Мы продолжали путь, и больше не говорили.

Просто молча шли, жили, дышали, смотрели на небо... я обернулся и глянул на кота, кот приоткрыл один глаз, и немного мне улыбнулся. Я улыбнулся коту в ответ. Жизнь вновь обретала цель. А у меня как будто выросли крылья, и эти крылья подарил мне мой старый друг Вовка Шмелев.

Судьба играет против нас

Все истории нашей жизни начинаются с момента прихода нашей души в физическое тело. Затем, чаще в муках, реже с удовольствием, мамочки рожают нас на свет. И как бы не сложилась жизнь, начало и финал у всех одинаков – рождаемся с криком, уходим – со стоном. Между двумя этими событиями мы можем немного пожить, кто в свое удовольствие, беря от жизни максимум, кто с аккуратностью сапера, обходя и избегая сильных ударов судьбы. Первым сложно, зато не скучно, вторым проще, но пресно. Каждый выбирает сам. Но есть некие вводные данные, стартовые координаты. Кому-то с ними везет, кому-то приходится уже с рождения начинать выживать.

Душа нашего героя выбрала вариант выживания.

В одной неблагополучной семье, так обычно называют семьи, где мягко говоря, не все в порядке, то есть нет того самого блага, по которому семья считается хорошей, родился мальчик. Это для родителей был уже второй ребенок. Первая девочка – с красивым именем Анжелика. Мальчика решили назвать попроще – Дмитрием.

Вновь испеченные родители были люди простые. А что подразумевает определение «простые люди»? А то, что всё у них было просто. Не над чем они особо не задумывались. Вот и тогда, когда узнали о второй беременности, не задумались о том, ни как, ни на что будут растить этого ребенка. Просто, если он уже есть, где-то там в недрах живота, то пусть увидит свет, а дальше сам разбирается, что здесь к чему.

Жила это семья в том месте, где горная река под названием Большая Херота соединяется с рекой Малая Херота, на этом соединении и стоял их поселок со звучным и красивым названием Орёл-Изумруд.

Когда-то в советские времена это был чайсовхоз. Плантации чая остались, а совхоз распался, но несмотря на это их поселок с того времени и до сих пор называли «Чайник». В общем-то получалось все логично – «Чайник» на Хероте.

Поселок располагался на горе, откуда открывался красивый вид на Адлер. Но это, впрочем, и все привилегии данного места. Поселок обеднел, работы в нем не было, и все жители его ездили на работу в Адлер, а кто не ездил, тот бездельничал и пил.

Глава семьи пил всегда и много, когда доходил до определенной кондиции начинал звереть, теряя человеческий облик. Ненависть выливалось из него потоком брани, крушением всего, что находилось в данный момент в поле его видимости, и избивением того, кто попадался ему под руку. Чаще всех доставалось матери. Она периодически ходила в синяках, а то и с разбитой головой и подбитым глазом. Анжелику, пока та была маленькая он не трогал, видно оставались в нем еще какие-то остатки разума, а потом, когда она подросла, то научилась либо прятаться так, что ее никто найти не мог, либо и вовсе убегала из дома.

Мать работала уборщицей в соседнем с домом продуктовом магазине, образование было у нее восемь классов, но при этом добрейший души человек, сейчас таких и не встретишь, вымерли такие люди, как мамонты. Платили ей грошовую зарплату, которую отец почти всю и пропивал. Сам же, куда бы не устраивался, больше месяца не держался, увольняли за пьянку и дебош. Что ее держало с этим мужчиной рядом, и почему она рожала от него детей, так и останется большой загадкой русской женской души.

Вот в такой семье и родился мальчик Дима. Рос на редкость здоровым крепким малышом, веселым, добрым и несмотря ни на что – жизнерадостным. Это он унаследовал от матери.

С того момента, когда он начал осознавать себя в этом сложном мире, и началась его борьба за выживание. Ни одного дня в их семье не проходило без скандала, который неизменно заканчивался дракой. Когда Диме было семь лет, драки закончились.

И не потому, что отец перестал пить, а потому что в одну из таких драк, мать, защищаясь, пырнула его вилами.

Весь этот ужас происходил на глазах у маленького Димочки. Он безмятежно играл во дворе, когда мать с громким криком «Помогите!» выбежала из дома. Вслед за ней из дома нёсся отец, тряся кулаками и обещая на этот раз уж точно лишить ее жизни. Эта парочка пронеслась мимо ребенка и скрылась в сарае. Димка не знал, что ему делать, оставаться во дворе, в непосредственной близости, где развернулись военные действия, или укрыться в доме. Из сарая слышались вопли матери, брань отца, Димка было рванул на помощь, но вовремя остановился, так как дверь сарая открылась и оттуда показалась спина матери, в руках у нее были вилы. Она пятилась назад со словами:

– Не подходи, сволочь, убью!

– Да что ты мне сделаешь, зараза, я тебе сейчас шею сломаю! – с этими словами отец грозно продолжал надвигаться на мать.

Дима непроизвольно встал между ними.

– Не надо папа, пожалей мамку, не бей ее.

– Уйди, сынок, Христа ради! Убьет ведь нас обоих!

Мать успела оттолкнуть Димку в сторону, а отец в этот момент сделал на нее решающий бросок.

И прямо на глазах у Димки вилы оказались в животе у отца. Лицо его исказилось от страха и боли.

Мать, отпустив вилы, обняла сына и закрыла его глаза руками.

– Всё, сыночек, всё кончилось, не бойся.

Димку трясло в рыданиях.

– Мамочка, как же это, что будет с ним? Он теперь умрет?

– Не знаю, сыночек, может и не умрет... это уж как Бог решит...

На крики сбежались соседи, вызвали скорую, которая, увезла отца в больницу.

Димка в тот день плакал до вечера, успокоиться не мог, а ночью спал с матерью, всё сжимая ее руку и приговаривая:

– Все будет хорошо, мамочка, ты не бойся... он не умрет...

Отец действительно выжил. А дальше был суд, который посчитал содеянное превышением самообороны, и все-таки дал матери три года колонии общего режима. И жизнь этой семьи изменилась. Мать отбывала срок на зоне, а отец, выписавшись из больницы продолжил свой славный путь пьянства. Жить стало еще тяжелее. Сестра к этому моменту закончила школу и сбежала из дома в неизвестном направлении. Напоследок, обняла Димку и сказала:

– Димон, тут каждый сам за себя, прости, я сваливаю из этого ада, а то боюсь, сама прибью отца и сяду, как мать.

И остался мальчик Дима один на один со своей судьбой. Бороться с ней было бесполезно, да и маленький он еще был. Как жили? Да, как-то жили, отец подрабатывал случайными заработками, пить стал чуть меньше, не на что было особо, да и местная опека пригрозила забрать сына в детский дом. А в остальном продолжал зверствовать, а так как кроме Димки никого в доме не осталось, всю свою злость вымещал на нем. Но Димка, как и сестра, приноровился сбегать из дома от этих приступов отцовской агрессии.

В из зимних дней, когда мальчик уже третий час бездумно мотался в окрестностях поселка, он увидел такую картину:

По берегу реки бежал довольно большой черный пёс, а за ним целая свора бездомных собак. Развернулась самая настоящая погоня. Пес явно уже начал сдаваться, похоже, они успели его изрядно потрепать. Димка, не раздумывая, рванул им наперерез. Черный пес промчался мимо, и Дима успел заметить, что тот весь в крови. Мальчик схватил камень, лежащий под ногами, и теперь пытался вычислить вожака стаи. Им оказался небольшой облезлый

серый пес. Он выступил вперед и издал низкий густой рык с демонстрацией своих клыков. Вся остальная свора дружно лаяла. Димка прицелился и бросил камень ему прямо в нос, так когда-то отбиваться от бродячих собак, научила его мама. Пес взвыл и попятился. Все остальные затихли и прижали хвосты.

Для пущей верности Димка пригрозил:

– А ну пошли вон, ишь напали семеро на одного!

Собаки развернулись и собрались отступить.

Димка оглянулся посмотреть, куда делся бедный пес. И увидел, что тот угодил в полыню, и барахтается в воде из последних сил.

И опять не задумываясь он бросился на помощь, прыгнув в ледяную воду. Собака оказалась очень большая и очень тяжелая, Димка уже стал терять силы, когда у него все-таки получилось вытолкнуть пса на берег. Одежда на нем намочила и тянула его вниз. Сопротивляться не было никакой возможности. На мгновение, чтобы хоть чуть-чуть передохнуть Дима закрыл глаза и расслабился.

«Всего лишь полминутки передохну и с новыми силами вылезу» – подумал он и погрузился под воду. Там он задержал дыхание насколько мог, но спустя недолгое время, почувствовал, что в груди у него всё горит и разрывается. Ему вдруг стало очень больно, поэтому он из последних сил попытался всплыть. Руки его не слушались, и при малейшем движении их пронзала дикая боль. Димку охватил панический ужас, он понял, что выбраться у него может не получиться... а затем нестерпимая боль сменилась ощущением приятного тепла, разливающегося по телу и на него, напало чувство такого спокойствия и безмятежности, что всплывать не захотелось совсем. Вместе с болью отступили и страх, и вся эта, столь невыносимая для десятилетнего мальчика, жизнь.

– Дыши, парень, дыши!!! – слышал Дима, где-то очень далеко, сиплый мужской голос.

«Кому это он говорит? – думал Димка. Неужели мне? Так я же вот дышу, даже думаю, и все слышу! Чего он от меня хочет то?»

– Мальчик, слышишь, ты не умирай, тебе еще рано, пожить то совсем не успел! Эх, что же это такое, как же это? – прорывался тот же голос среди какого-то гула.

«Странный, этот голос, – продолжал думать Димка, чего пристал, как муха жужжит надо мной... Главное, чтобы та, испытанная недавно боль, не вернулась... а этот, пусть говорит, мне не мешает... главное, что я ничего, абсолютно ничего не чувствую, это самое главное...»

И именно на этой мысли, Димка почувствовал на своем лице, что-то теплое, влажное и шершавое... Это «что-то» елозило по его лицу, по носу, губам и даже ушам...

Димке было щекотно и приятно, ему хотелось, чтобы это продолжалось и продолжалось... ему казалось, что он улыбается, и что он теперь понимает, что такое счастье...

На смену этому состоянию, пришла опять боль. Боль была во всем теле...

«Опять начинается... не надо, не надо, пожалуйста, я не хочу» – во все горло, как ему казалось, кричал он.

– Ну, вот так-то лучше, вот и молодец, пацан! А то, чего надумал..., – теперь голос был совсем рядом, и Димка учуял знакомые нотки алкоголя.

Он осторожно приоткрыл глаза...

Над ним нависал один большой красный нос... «А разве нос бывает таких размеров? И где лицо? Носа без лица не бывает... или бывает? – силился вспомнить Димка.

На смену красному носу, пришел нос черный, но поменьше, и стал обнюхивать его лицо.

«Да что ты будешь делать с этими носами... откуда их здесь столько взялось» – силился понять Дима.

Теперь он увидел, что над ним нависла бородатая физиономия, и что большой, красный нос принадлежит ей.

Димка повернул голову и увидел рядом большую, черную собаку... И тотчас же всё вспомнил.

– Ну как он? – плохо слушающимися губами спросил Димка у «физиономии».

– Кто, он? – спросила «физиономия».

– Собака.

– Жива, за тебя волновалась... А ты как, пацан? Жить собираешься? Гляжу, передумал умирать? Оно и правильно!

– Умирать... И Димке вдруг очень захотелось заплакать... стало чего-то безумно жаль... только он не мог никак вспомнить и понять, чего именно...

Как будто он сейчас потерял самое нужное, самое важное, только что приобретенное, и теперь уже никогда он не сможет это почувствовать и обрести вновь.

Подожли люди в белых халатах... Что-то спрашивали у него, пес рядом лаял, мужик басил... А Димка лежал, и рыдал. Все тело окостенело и не двигалось, только поток горячих слез, как кипяток обжигая его щеки, безудержно, лился из глаз.

Уже в машине «Скорой помощи», сквозь рыдания Димка прокричал:

– Без собаки никуда не поеду, не думайте даже!

Видно, это прозвучало настоль категорично, что врачи без слов пустили пса в машину.

– Смотри, а у собаки то глаза нет... его бы к ветеринарам надо – услышал Дима разговор врачей.

Но открыть глаза и посмотреть на собаку не смог...

– Пиратом тогда назову, раз без глаза, – заплетающимся языком сказал Димка и уснул.

Проснулся он в больничной палате. Огляделся. Рядом никого. Снова закрыл глаза.

«Ну и пусть, я не умер, пусть больница, пусть опять Жизнь! Поживу ладно» – подумал он и опять провалился в сон.

– Дима, Дима! – кто-то теребил его за плечо.

– Просыпайся, герой! Как ты себя чувствуешь? – чья-то холодная рука легла ему на лоб.

Голос был спокойный и приятный. Димка проснулся и открыл глаза.

Рядом с ним стоял мужчина в белом халате.

– Меня зовут Алексей Сергеевич, я твой врач.

– Здравствуйте, врач! А где Пират?

– Это та собака, которую ты спас?

– Ага, она самая. Пират... мой! Это я ее так назвал.

– Всё хорошо, с твоей собакой. Подлечили, но глаз не спасли.

– И где он?

– Не знаю. Хотели его в собачьем приюте оставить, так он, бродяга, сбежал, говорят...

– Сбежал? А куда?

– Да кто ж его, пса, знает...

– Жаль, я его полюбил... но я буду его искать... мне почему-то кажется, нам теперь друг без друга нельзя, пропадем оба...

И неожиданно Димка опять заплакал. Плакать он не собирался, но плакал все отчаяннее и отчаяннее...

– Дим, а ты чего, нюни распустил? – спросил Алексей Сергеевич.

– Жалко... всех... не хочу... жизнь дрянь... все бедные, несчастные какие-то, и я... и я самый несчастный... не хочу... куда мне бежать... нет ничего... никого у меня нет... почему со мной? ... за что...? что я сделал...?

Димка бессвязно, сквозь всхлипы, пытался рассказать про свою жизнь Сергею Алексеевичу, такому сейчас близкому и потому родному.

– Дим! – доктор присел на краешек кровати, и взял мальчика за руку. Это чуть его успокоило, но он продолжал периодически всхлипывать.

– Ты видел какие могучие и крепкие вырастают дубы?

– Видел, а при чем здесь деревья?

– А знаешь ли ты, что рост дуба, начинается всего лишь с маленького желудя?

Вот теперь и подумай, какой долгий и трудный путь предстоит пройти этому маленькому желудю, пока он не превратится в могучий дуб! На него нападают ураганы и бури, делая его ветки еще более сильными и выносливыми. Под природными катаклизмами он изгибается, но не гибнет, а становится настоящим великаном. Понимаешь, о чем я?

– Я должен из желудя вырасти дубом?

– Да! Эти невзгоды, сколько бы они не продолжались, могут стать нужными для тебя. Быть может именно они помогут вырасти тебе крепким и выносливым.

Поэтому используй все свои беды и невзгоды для того, чтобы вырасти в самого крепкого, стойкого и могущественного. Не стоит, сопротивляться тому, что жизнь испытывает тебя! Во всех твоих испытаниях существует определенный смысл и цель...это возможность для твоего роста.

А плохие вещи и плохие люди существовали и будут продолжать существовать на земле. С этим ты ничего, брат, не поделаешь.

Тебе надо понять и поверить в то, что всё в нашей жизни происходит по одной причине – заставить нас стать еще крепче и мудрее, расти и жить несмотря ни на что.

Поэтому, Дим, не спрашивай, не мучайся вопросом почему это происходит, подумай лучше над тем – зачем, этих людей или эти события послала тебе судьба?

У каждой Души свой, уникальный путь!

Ты сейчас, может и не все поймешь из того, что я сказал... но запомни это! Тебе пригодится!

А сейчас просто доверься жизни!

– Я запомню, Алексей Сергеевич, запомню... и постараюсь вырасти сильным, как дуб...

Димка пролежал в больнице еще несколько дней, по счастью, у него даже воспаление легких не началось.

Забирал его из больницы отец. Когда они вышли из учреждения, Пират покорно сидел у дверей.

Димка очень обрадовался, но совсем не удивился, что Пират ждал его. Он еще в больнице понял, что теперь они друзья и непременно будут вместе.

– Пап, это Пират, он теперь будет жить с нами! – сказал Димка, теребя пса за уши.

– Какой еще Пират? Вот этот вот, одноглазый?

–Ага! Это мой друг теперь на все времена. Я без него домой не пойду!

– Раскомандовался тут. Еще чего придумаешь?! Самим бы прожить, не до собаки, – зло проговорил отец.

– Или так, или живи один...

– Не угрожай, шкет, ладно, пусть живет... ну что с тобой сделаешь...

И жизнь потекла дальше. Преданнее, чем Пират у Димки никого теперь не было. И это была обоюдная преданность.

Димка мог сам не поест, но Пирата, покормить. А тот ходил за мальчиком неотступно. И при любой возможности тыкался в Димку своей одноглазой мордой.

Затем вернулась мать, но колония как-то ее сломала, нет не озлобила, просто она потеряла всякий вкус и смысл жизни. А потому вернувшись, ничего лучшего не придумала, и начала пить заодно с отцом.

– Заливаю я водкой глаза свои, сынок, потому что оно так легче, – часто оправдывалась она перед Димкой, не вини меня, слабая я, сил нет у меня жить то по-другому.

Димка мать не винил, а просто научился этому искусству выживания. Несколько раз в году к ним в дом приходили органы опеки, качали головой, делали положенные увещевания,

грозили забрать у них ребенка, если не одумаются, те обещали, согласно кивая, но после их ухода продолжали жить по-прежнему. Так и прошло Димкино детство. Можно ли это назвать детством, в том понимании, что оно в себя включает? Нет, вряд ли. Не было у Димки всего того, что было у детей из благополучных семей. Не было и быть не могло выходных походов в гости или в кино, традиционного новогоднего стола с елкой и подарками, игрушек, элементарной помощи с уроками, да что там это, не было главного – заботы, ласки, любви. Один Пират восполнял эти пробелы, и любил Димку не собачьей, а почти человеческой любовью. Так Димка и рос, его душа по-прежнему была доброй, открытой этому враждебному миру. Он неосознанно пускал в нее все хорошее, а ненависти и грязи не находилось в ней места. Чудеса, да и только!

Время шло, что-то менялось в их жизни, Димка вырос и учился в ПТУ на слесаря и подрабатывал где только мог, не гнушался никакой работой, лишь бы платили. Отец допился и бесславно тихо умер от цирроза печени. Вскоре пришлось хоронить и Пирата. Прощаясь с ним, Димка горько плакал, понимая неизбежность расставания с другом. У матери от пьянки отнялись ноги, и она слегла. Беспросветность жизни и тут не сломало Димку. Он хорошо запомнил слова доктора про бури и ураганы, что они даются не просто так, а у всего есть своя цель. Мать он не бросил, не сбежал, как сестра, не посчитал, что тут каждый сам за себя. Любил по-своему её, и как мог о ней заботился. Работал в Адлеровском аэропорту чернорабочим, платил за газ и свет, покупал продукты, готовил еду, и изредка покупал даже матери чекушку водки. Приносил, устало ставил бутылку на стол и говорил:

– Ну что, мать, праздник у тебя сегодня.

Она заметно веселела, оживала и дрожащими руками тянула к бутылке рюмку.

Чем бы закончилась эта история жизни – неизвестно, хотя, можно сделать предположение, что ничем хорошим. Не бывает в таких историях хорошего конца, но это было то самое исключение, когда все-таки от осинки родятся апельсинки.

Несмотря на столь тяжелое детство Димка не стал искать виноватых в том, что так сложилась его жизнь, смирился. У него не было обиды ни на мать, ни на отца, но в душе начало созревать твердое намерение прожить свою жизнь по-другому, без пьянства и драк.

И тут же под его намерение, Судьбой был выделен некий кредит.

У Димкиного отца была родная сестра. Которая в отличии от своего непутевого братца, хорошо устроилась в жизни, выйдя удачно замуж за турецкоподданного. Тот, то ли трудом своим праведным, то ли не совсем честным путем скопил немалый капитал, который умирая завещал Диминой тетушке, а та, в свою очередь умирая завещала Димке. Опять чудеса! Но, как бы то ни было, однажды пришла ему бумага от нотариуса, мол надо явиться туда-то и туда-то для оглашения завещания такой-то и такой-то. Димка явился, завещание заслушал и враз разбогател.

Богатство, так неожиданно, свалившееся ему на голову, крышу ему не снесло, а дало шанс. И шанс этот Димка использовал, упускать не стал. Для начала он купил дом и перевез туда мать, затем оплатил дорогое лечение, поднял ее на ноги. Мать, задыхаясь от благодарности, клятвенно пообещала завязать с водкой, и слово свое сдержала.

Затем разыскал сестру, и несмотря, на то, что она бросила его, одного маленького и беззащитного, сбежав из дома, устроил и ее жизнь. Она к тому времени уже родила Димки двух племянников от разных мужей, которых и след простыл, тащила детей одна, вкалывая на двух, а то и на трех работах. Деньги многое значат, потому что мы все, за редким исключением, живем в материальном мире больше, чем в духовном. И деньги в этом мире иногда вершат судьбы людей. Анжелика с детьми переехала к брату в прекрасный дом, дети поменяли школу на престижный лицей, стали заниматься шахматами и конным спортом. Кто-то решил о них позаботиться и сделать их жизнь если пока и не прекрасной, то вполне благополучной. Этот кто-то был Димка. Он заменил им отца, дал им не только материальные блага, но и любовь, заботу, внимание, все то, чего так отчаянно не было у него самого. Наконец-то у них выросо-

вывалась самая настоящая семья. В ней были и Новый год с мандаринами и елкой, и кино, и поездки в гости, а главное мир и согласие. И все это благодаря Димке. Он создал эту атмосферу тепла, надежности и любви всех ко всем.

И эта была только первая часть счастья. Вторая, наступила чуть позже, когда он встретил свою будущую жену Ларису. Влюбился в нее без памяти. Ухаживал за ней красиво, дарил подарки и сделал предложение, как в американских фильмах, с шиком и фантазией.

Мать на свадьбе не переставая плакала, всё повторяя, что жаль отец не дожил до этого счастливого дня. И не увидел, что можно жить иначе, что жить можно светло и радостно.

Лариса оказалась прекрасной женой. В сущности, это определение «прекрасная жена», каждый мужчина выбирает для себя сам.

Для кого-то это заботливая мать, для кого-то прекрасная хозяйка, для кого-то замечательная любовница, для кого-то интересный и умный собеседник. Для Димы Лариса была всем и сразу. Он любил в ней всё! Чтобы она не говорила или ни делала вызывало у него восхищение. Это была настоящая Любовь – принимать человека таким, каким его выдумал Создатель. А что же Лариса? Она принимала его любовь, она в ней купалась. Ей не надо было стараться быть лучше, чем она есть на самом деле. В этом браке она могла себе позволить быть самой собой. И это было именно её счастье. Лариса была, из категории тех детей, на долю которых, выпало счастливое детство. Непьющие интеллигентные родители, дом – полная чаша, одна любимая дочь, в которую вкладывались все средства и всё свободное родительское время. Но и требовалось с нее много. Хорошие оценки в школе, занятия музыкой и иностранным языком, беспрекословное послушание, уважение к старшим. Её мнение учитывалось, но не было определяющим. Поэтому девочка выросла по всем понятиям общества, правильная. После школы поступила учиться в Москву, да не куда-нибудь, а в МГУ, на филологический факультет. Годы учебы в Москве было насыщенным, веселым, студенческим временем. Если Лариса, за эти пять лет и позволяла себе романы, то они все были легкие, без надрыва и юношеских трагедий. Легко сходились и также легко расходились, и романы эти оставляли в душе каждого приятное послевкусие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.